

Anglorum / Bedae Venerabilis // Bede Venerabilis. Opera historica. — V.1. — Vaduz, 1964. 3. Brooks, N. The early history of the Church of Canterbury : Christ Church from 597 to 1066 / N. Brooks. — Leicester: Leicester University Press, 1984. — XIV, 402 p. 4. Chadwick N.D. Early Culture and Learning in North Wales / N.D. Chadwick // Studies in Early British Church / by Nora K. Chadwick [and others]. — Cambridge: Cambridge [Eng.] University Press, 1958. — P. 29-120. 5. Gildas. De excidio Britanniae / Gildas // Six Old English Chronicles / Ed. by J.A. Giles. — L.: Henry G. Bohn, 1848. — P. 295-380. 6. Halsall G. Movers and Shakers: the barbarians and the Fall of Rome / G. Halsall // From Roman provinces to Medieval kingdoms / edited by Thomas F.X. Noble. — New York : Routledge, 2005. — P. 277-291. 7. Jenkins G.H. A concise history of Wales / G.H. Jenkins. — Cambridge, UK ; New York : Cambridge University Press, 2007. — xii, 345 p. 8. Jones M.E. The End of Roman Britain/ M.E. Jones. — Ithaca: Cornell University Press, 1996. — IX, 323 p. 9. Kosh J.T. Macsen Wledig / J.T. Kosh // Celtic culture : a historical encyclopedia / John T. Koch, editor. — Santa Barbara, Calif. : ABC-CLIO, c2006. — P. 1231-1233. 10. Kosh J.T. Historia Brittonum / J.T. Kosh // Celtic culture : a historical encyclopedia / John T. Koch, editor. —

Santa Barbara, Calif. : ABC-CLIO, c 2006. — P. 925-927. 11. Laing L.R. The archaeology of late Celtic Britain and Ireland, c. 400-1200 AD / L.R. Laing. — London : Methuen ; [New York]: distributed by Harper & Row, Barnes & Noble Import Division, 1975. — XXVII, 451 p. 12. Lapidge, M. Gildas's Education and the Latin culture of sub-Roman Britain / M. Lapidge // Gildas: new approaches / Ed. by M. Lapidge and D. Dumville. — Woodbridge: Boydell Press, 1984. — P. 27-50. 13. Lapidge, M. Latin Learning in Dark Age Wales: some prolegomena / M. Lapidge // Proceedings of the Seventh International Congress of Celtic Studies. Oxford, 1983 / Ed. by D. Ellis Evans et al. — Oxford: Oxford UP, 1986. — P. 91-107. 14. Lieberman F. Nennius the Author of the "Historia Brittonum" / F. Lieberman // Essays in Medieval History presented to Th. Fr. Tout / Ed. by A. G. Little and F. M. Powicke. — Manchester, 1925. — P. 25-44. 15. Lindsay J. The Romans were Here / J. Lindsay. — N.Y.: Barnes & Noble, 1969. — 2nd ed. — 416 p. 16. Nennius. History of the Britons / Nennius // Six Old English Chronicles / Ed. by J.A. Giles. — L.: Henry G. Bohn, 1848. — P. 383-416.

Надійшла до редколегії 13.03.12

К. Марков, канд. ист. наук
(Нижний Новгород, Россия)

РАССУЖДЕНИЯ ДИОНА КАССИЯ ОБ ИСТОРИОПИСАНИИ (I.1.2, XLVI.34. 5–35.1, LIII. 19.1–6): ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящена проблемам перевода и интерпретации ряда пассажей из "Римской истории" Диона Кассия, содержащих размышления автора об историописании.

The paper deals with the problems of translation and interpretation of a number of passages from Dio's "Roman history" containing the author's considerations on the writing of history.

В "Римской истории" Диона Кассия есть ряд пассажей, содержащих размышления автора о том, как писать историю. Эти отрывки вместе с рядом автобиографических фрагментов были переведены на русский язык и опубликованы в 2008 г. в сборнике "Из истории античного общества" [5]. Данная статья представляет собой попытку внести в опубликованную версию перевода некоторые уточнения, важные, как мне представляется, для понимания рефлексии Диона над методами историописания в целом и его собственным творческим опытом в частности. Главная проблема, связанная с переводом упомянутых отрывков — это совмещение литературной обработки текста и точности в передаче смысла. Ниже мы рассмотрим данные пассажи в том порядке, в каком они представлены в тексте "Римской истории".

Ἀνέγνων μὲν πάντα ὡς εἶπεν τὰ περὶ αὐτῶν τις γεγραμμένα, συνέγραψα δὲ οὐ πάντα ἀλλ' ὅσα ἐξέκρινα. μὴ μὲντοι μὴδ' ὅτι κεκαλλιεπημένοις, ἐς ὅσον γε καὶ τὰ πράγματα ἐπέτρεψε, λόγοις κεχρημαί, ἐς τὴν ἀλήθειαν αὐτῶν διὰ τοῦτο τις υποπτεύσῃ, ὅπερ ἐπ' ἄλλων τινῶν συμβέηκεν· ἐγὼ γὰρ ἀμφοτέρω, ὡς οἶόν τε ἦν, ὁμοίως ἀκριβῶσαι ἐσπούδασα.

"Прочитав, можно сказать, всё, что у кого-либо было написано о них, не всё включил я в свою историю, но только то, что посчитал пригодным [для ее целей]. Однако, полагаю, отнюдь не потому, что я воспользовался при ее написании изящными оборотами речи, насколько это позволял ее предмет, написанное сочтут за истину, как это случалось с некоторыми писателями, ибо я старался, насколько это в моих силах, быть одинаково усердным и в том и в другом отношении. Начну же я свой рассказ с того момента, с которого мы имеем наиболее достоверные сведения о той стране, где живем и где был построен город Рим" (I. 1. 2).

Представляется необходимым внести некоторые уточнения, важные для анализа исторического мышления Диона. Во-первых, автор в данном пассаже не употребляет термин "история", хотя это слово неоднократно встречается на страницах его труда. Например, именно так он называет малое произведение, посвященное гражданским войнам 90-х гг. II вв. (LXXII. 23. 2). Сам Дион называет свой труд "Римскими деяниями". Во-вторых, формулировка "то, что посчитал пригодным [для ее целей]" является переводом греческого глагола ἐξέκρινα.

Следовательно, смысл данного предложения состоит в том, что Дион включил в свой труд не все, но лишь "избранное". О своей избирательности автор упоминает довольно часто. Например, он периодически отмечает, какие факты достойны его труда, а какие нет (См. напр.: 42. 19. 3–4, 53. 21. 2 [3, Р. 194]). Также отметим, что в тексте присутствует двойное отрицание. Фраза "сочтут за истину" дословно переводится как "никто не усомнится" (или безлично: "не вызовет сомнения"). Имеется ввиду истинность "изящных оборотов речи", которыми воспользовался Дион (κεκαλλιεπημένοις λόγοις). Английский перевод Э. Кэри, как представляется, более точно передает смысл: даже если Дион писал изящно, истинность его слов не вызовет сомнения, ибо он проявил усердие в обоих отношениях (I trust, moreover, that if I have used a fine style, so far as the subject matter permitted, no one will on this account question the truthfulness of the narrative, as has happened in the case of some writers; for I have endeavoured to be equally exact in both these respects, so far as possible.) [1, V. 1. Р. 3]. Глагол со значением "сомневаться" представляется значимым для понимания данного текста. Вероятно, такая формулировка связана с характерным для ряда античных авторов противопоставлением красочности и объективности повествования. Многие, в том числе Аристотель (Поэтика 9. 1451b1), Полибий (II. 56. 10), Цицерон (О законах I. 1. 5), Петроний (Сатирикон 118) отмечают противоположность целей поэтического творчества и историописания. Поэт создает яркий красочный образ, а задача историка, по словам Полибия, заключается в том, чтобы "принести пользу любознательным читателям правдою повествования" (II. 56. 12). С другой стороны, римский оратор и преподаватель красноречия второй половины I в. Квинтилиан отмечал в своем труде, посвященном воспитанию оратора, что "история близка к поэзии и в некотором отношении представляет собой стихотворение в прозе". Таким образом, Дион, вероятно, был знаком с различными подходами к историописанию, но сам он не видит принципиального противоречия между формой и содержанием своего сочинения.

Следующий отрывок является заключительной частью предисловия к описанию событий Мутинской войны (43 г. до н.э.):

Ἐς τοῦτο μὲν τότε τὰ τῶν Ῥωμαίων πράγματα προήχθη, λέξω δὲ καὶ καθ' ἑκάστον τῶν γενομένων· καὶ γὰρ καὶ ἡ παιδείσις ἐν τούτῳ τὰ μάλιστα εἶναι μοι δοκεῖ, ὅταν τις τὰ ἔργα τοῖς λογισμοῖς υπολέγων τὴν τε ἐκείνων φύσιν ἐκ τούτων ἐλέγχει καὶ τούτους ἐκ τῆς ἐκείνων ὁμολογίας τεκμυρίῃ.

"К такому состоянию подошло тогда Римское государство. Я же теперь поведу рассказ об отдельных событиях. Ибо, по моему мнению, настоящая ученость (παιδείσις) заключается, прежде всего, в том, чтобы исследовать сущность фактов, рассматривая их на основе суждений разума (τοῖς λογισμοῖς), и исходя из согласованности первых обосновывать вторые" (XLVI. 34. 5 – 35. 1).

Существуют разные варианты перевода данного текста. Один из них мы видим в английском подстрочнике к Лобовскому изданию. Другой вариант принадлежит Ф. Миллару (I consider it to be the chief characteristic of a trained mind to be able to apply rational principles to historical facts, thereby demonstrating the true nature of the facts and also, by coordinating the facts, showing the truth of the principles [4, P. 45]). Опубликованный перевод на русский язык близок по смыслу к версии Миллара:

"К такому состоянию подошло тогда Римское государство. Я же теперь поведу рассказ об отдельных событиях. Ибо, по моему мнению, настоящая ученость (παιδείσις) заключается прежде всего в том, чтобы исследовать сущность фактов, рассматривая их на основе суждений разума (τοῖς λογισμοῖς), и исходя из согласованности первых обосновывать вторые" (XLVI. 34. 5 – 35. 1).

Еще одна версия понимания смысла данного фрагмента представлена в работе М. Хозе, который предлагает переводить παιδείσις как "поучительность" [2, S. 422]. Согласно его трактовке, текст следует понимать следующим образом: поучительность состоит, прежде всего, в том, чтобы, подбирая факты для рассуждений, исследовать природу фактов посредством умозаключений и обосновывать умозаключения исходя из согласованности фактов. Таким образом, в композиционном плане для Диона первичны именно умозаключения, т.е. выводы, а не факты. К изложению фактического материала он приступает, сформулировав определенное объяснение, а затем иллюстрирует общие положения, рассказывая о конкретных событиях.

Данная версия представляется более убедительной, если принять во внимание контекст, т.е. содержание предшествующих 33-й и 34-й глав. Обратим внимание на то, что в греческом тексте конец 34-й главы и начало 35-й составляют по сути одно предложение, т.е. в рассматриваемом пассаже Дион поясняет, почему он сначала дает общую характеристику состояния Римского государства накануне Мутинской войны, а затем переходит к рассмотрению отдельных фактов. В предшествующих главах историк пишет о гибели многих сенаторов и всадников, об уничтожении лучших мужей Рима во времена Мутинской войны и после формирования II триумvirата. Виновниками кровопролития Дион называет самих сенаторов, которые проводили политику лавирования между несколькими лидерами, стремящимися к единоличной власти. По мнению автора, им следовало бы с самого начала выбрать одного наиболее достойного кандидата и всеми силами его поддерживать. Если посмотреть содержание последующих глав XLVI и LXVII кн., мы увидим, что они являются, по сути, иллюстрацией общих положений, сформулированных в гл. 33–34 кн. XLVI. Таким образом, в рассмотренном пассаже Дион поясняет, что он следует определенному композиционному принципу, дабы читатель извлек урок из прочитанного.

Третий отрывок с размышлениями Диона о принципах историописания мы встречаем в 19-й главе LIII книги.

"Так государственное устройство было преобразовано ради общего блага и большей безопасности, ибо при демократическом правлении римляне никак не могли избавиться от беспорядков. Но вместе с тем стало невозможно одинаково повествовать о событиях до и после [установления единовластия]. Ведь раньше обо всем, что происходило даже в самых отдаленных местах, сообщалось сенату и народу. Благодаря этому все знали о событиях, и многие рассказывали о них в своих сочинениях. Поэтому, даже если что-то и писалось под влиянием страха, заискивания или дружеского расположения, либо же из ненависти, истину так или иначе можно было установить, или сопоставляя эти рассказы с трудами других авторов, писавших о том же самым, или привлекая государственные документы. Со времени же [перехода к единовластию] очень многое стало совершаться в тайне и без огласки, а если что-то и доходит до общего сведения, то все равно этому не верят из-за невозможности проверить [достоверность этих известий], подозревая, что всё говорится и делается по воле и желанию властителей и их приспешников. По этой причине люди беспрестанно толкуют о том, чего вовсе не было, и, напротив, о многом из того, что произошло на самом деле, остаются в полном неведении, и обо всем получают совершенно искаженное представление. При этом и величина Империи, и обилие событий создают огромные трудности для их точного освещения. (5) Ведь и в Риме, и в подвластных землях, и у враждебных народов постоянно, так сказать, каждодневно случается множество происшествий, о которых никто не знает ничего в точности, кроме непосредственных их участников, а подавляющее большинство людей даже по слухам не ведает о том, что случилось. Поэтому и я о последующих событиях, о которых нельзя не упомянуть, я буду сообщать в соответствии с имеющимися сведениями, так ли это произошло на самом деле, или же как-то иначе. Но к этому будут прибавлены и кое-какие мои рассуждения, насколько это возможно и в той степени, в какой я смог разузнать что-то дополнительно благодаря чтению многочисленных сплетен либо благодаря тому, что я слышал и видел сам" (LIII. 19. 1–6).

Дион отнюдь не первый, кто пишет о различиях между историческими сочинениями, издававшимися до и после утверждения принципата. Например, Тацит также констатирует, что о древних делах римского народа писали прославленные историки и "не было недостатка в блестящих дарованиях и для повествования о времени Августа, пока их не отвратило от этого все возрастающее пресмыкательство перед ним", а его преемниках писали лживо из страха или из ненависти (Ann. I. 1). Об искажении истины говорится также и в первой главе первой книги "Истории". В этой связи интересно отметить одну деталь, которая отличает Диона (историка III в.) от Тацита (историка I в.). Тацит упоминает и о тех, кто писал из лести, и о тех, кто писал из гнева. У Диона о последних ничего не сказано, да и в целом главная причина искажения истины – это отсутствие свободного доступа к информации и господство т.н. "официальной версии" событий. Еще один интересный момент – пояснение, которое Дион дает в 15-й главе LIV кн. Он пишет, что при повествовании о заговорах против императоров нельзя точно знать, что же было на самом деле, поэтому он будет придерживаться преимущественно официальной версии. Проверить, в какой степени Дион следовал своим принципам не представляется возможным, ибо значительная часть повествования об императорском Риме

дошла до нас лишь в эпитамах, но, так или иначе, стремление автора к объективности, примеры сопоставления различных версий событий прослеживаются лишь до LIV книги. Что же касается повествования Диона о преемниках Августа и последующих правителях, то оно в значительной степени политизировано и выдает пристрастность автора в трактовке широкого спектра исторических сюжетов [7, С. 16].

Рассмотрим еще один пассаж, содержащий рассказ автора о его творческом пути и истории создания его *opus magnum*:

"За этим последовали войны и великие неурядицы в государстве, составить описание которых меня побудило следующее. Я написал и опубликовал небольшую книгу о вещих снах и знамениях, которые внушили Север у надежды достичь императорской власти, и отправил ее Северу, а тот, прочитав ее, ответил мне большим и похвальным письмом. Это послание я получил уже поздним вечером, а затем лег спать, и во сне божество повелело мне написать историю. Поэтому я и составил сочинение о тех событиях, на которых сейчас остановился. А поскольку оно очень понравилось и всем остальным, и самому Северу, мне захотелось написать обо всем прочем, что касается римлян. По этой причине я решил не оставлять упомянутое сочинение в виде отдельной книги, а включить его в эту работу, чтобы в одном-единственном историческом труде было сделано и осталось после меня описание всех событий с самого начала и до того момента, который будет угодно назначить Судьбе. Эта богиня укрепляет меня в намерении писать историю: когда меня охватывает робость или нерешительность, когда я устаю и готов всё бросить, она внушает мне свою волю через сны, подавая мне прекрасные надежды на то, что в будущем моя история сохранится и никогда не поблекнет. В ней я, кажется, обрел строгую надзирательницу над тем, какую жизнь я веду, и поэтому я посвятил себя этой богине. Я десять лет собирал сведения обо всех деяниях римлян с самого начала и до кончины Севера и еще двенадцать лет писал свою работу. Что

касается последующих событий, то о них тоже будет написано, вплоть до того момента, до которого мне удастся довести мою работу" (LXXII. 23. 1–5).

В данную версию перевода можно внести следующие уточнения. Во-первых, πόλεμοι καὶ στάσεις ("войны" и "неурядицы"), о которых говорится в первом предложении, можно перевести как "войны" и "усобицы" (ср. англ.: civil strife [1, V. 9. P. 117]), ибо автор имеет в виду гражданские войны 90-х гг II в. Во-вторых, в параграфе 2 прочтение "написать" (γραφῆναι) историей дается по рукописи Codex Vaticanum, тогда как в современных изданиях предпочтение, как правило, отдается варианту γράφειν, т.е. "писать историю". Таким образом, данную фразу можно трактовать по-разному: божество либо повелевает Диону создать конкретное сочинение, либо призывает его стать историком. В третьих в параграфе 4 сказано, что Дион временами "устает" и "готов все бросить". Глагол πορεύω, действительно, чаще всего переводится как "уставать", но есть еще одно значение – "плохо себя чувствовать, болеть". Возможно, в данном случае больше подходит именно это значение, ибо Дион неоднократно упоминает о своих проблемах со здоровьем (LXXX. 1. 2; LXXX. 5. 2), имевших место в тот период, когда он наиболее активно трудился над "Римской историей" [6, С. 154].

1. *Dio's Roman History with an English translation by E. Cary on the basis of the version of H.B. Foster. In nine volumes.* – L.–N. Y., 1914–1927.
2. *Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio.* – Stuttgart, 1994.
3. *Hidber T. Cassius Dio // Narrators, Narratees, and Narratives in Ancient Greek Literature. Studies in Ancient Greek Narrative. Volume One / ed. I. de Jong, R. Nünlist, A. Bowie.* – Leiden; Boston, 2004. P. 187–200.
4. *Millar F. A Study of Cassius Dio.* – Oxford, 1964.
5. *Автобиографические фрагменты и свидетельства / пер. с древнегреч. К. В. Маркова, А. В. Махлаюка; вступит. ст. и коммент. А. В. Махлаюка // Из истории античного общества.* – Вып. 11. – С. 235–266.
6. *Марков К. В. К вопросу о хронологии работы Диона Кассия над "Римской историей" // ВДИ.* – 2008. – № 2. – С. 142–154.
7. *Марков К. В. Концепция идеальной монархии в "Римской истории" Диона Кассия: дис. ... канд. ист. наук.* – Н. Новгород, 2007.

Надійшла до редколегії 13.03.12

А. Мартынов, асп.
(г. Донецк, Украина)

АННЕКСИЯ КИРЕНАИКИ РИМОМ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭВОЛЮЦИИ РИМСКО-ЕГИПЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ К НАЧАЛУ I ВЕКА ДО Н.Э.

Статья посвящена проблеме межгосударственных отношений между Римской республикой и птолемеевским Египтом к первой половине I в. до н.э. Анализируется процесс римской аннексии владений Птолемея в Киренской области, в общем контексте внешней политики Рима на эллинистическом Востоке. На примере Киренаики данное исследование обобщает политику Рима в отношении его египетских союзников – династии Птолемея.

The article is devoted to the problem of the interstate relations between the Roman republic and Ptolemaic Egypt to the half 1st century BC. There is analysed process of the Roman annexation of the Ptolemaic possessions in the Cyrena region in general context of the Rome's foreign policy in the Hellenistic East. Present studying sum up the policy of Rome concerning its Egyptian allies – the Ptolemaic dynasty on example of the Cyrenaica.

Союзнические отношения между Римской республикой и царством Птолемея являлись существенным фактором геополитической стабильности на эллинистическом Востоке и обеспечивали выгодную для Рима международную конъюнктуру. В период становления Римской средиземноморской державы (III–II вв. до н.э.) цари Птолемеи постоянно обеспечивали нейтралитет Египта в конфликтах Рима с другими державами, что объективно способствовало утверждению римского доминирования на Востоке и уже к середине II века до н.э. привело либо к ослаблению эллинистических государств (Сирия, Вифиния, Родос), либо к превращению их в римские провинции (Македония, Пергам, Фригия). Как отметил известный специалист по античности М.И.

Ростовцев, римское вмешательство в дела Востока проходило поэтапно, но именно разгром Македонской державы привел к тому, что "протекторат Рима практически превратился в мягкую форму господства. ... Рим подобным же образом поступил с греческими городами и эллинистическими монархиями, как с вассалами, которые должны были подчиняться его приказам" [6, с.7]. Соответственно территориальному росту Римской республики в Средиземноморье эволюционировали и римско-египетские отношения.

Первоначально Рим и Египет являлись равноправными союзниками, это было паритетное партнерство двух великих держав. Ещё в 273 г. до н.э. царь Птолемей II Филадельф, под впечатлением блестящей побе-